

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 688.973

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XIV

Buenos Aires, martes, 28 de noviembre de 1961 ●

Буэнос Айрес, вторник 28 ноября 1961 года № 618

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

176. XXII СЪЕЗД ПАРТИИ ПРОШЕЛ ПОД РЕЖИССЕРСТВОМ ХРУЩЕВА. НО В НЕОЖИДАННЫХ ТОНАХ. — АПОЛОГИЯ МИТРОПОЛИТА НЕСТОРА И КОНЧИНА ЗЛОБНОГО АРХИЕПИСКОПА ЛУКИ

Уже в прошлой статье я указал на то, что съезд неожиданно начался под звон громких обвинений албанской компартии и новой травли “антипартийцев”, среди которых оказался трусливый, советской пропагандой воспитанный маршал Ворошилов. Весь съезд прошел за пятнадцать дней длинных заседаний именно в этих тонах.

Иностранцы наблюдатели поражены этим сюрпризом, которому я даю очень простое объяснение: Хрущев, самый способный из Сталинических учеников, научился от него строить свою личную политику на трех принципах: 1. при наличии общего недовольства жалкими условиями жизни и отсутствием элементарной свободы надо поманить партию и народ новой несбыточной мечтой, дать ему сказку, какой был у Ленина после Гражданской войны пресловутый план электрификации, обещавший “земной рай” в самом близком будущем; у Сталина это были его “пятилетки”, по окончании каждой из которых он сулил всеобщее изобилие, а потом в 1936 году “Сталиническая Конституция”, при которой “человек имеет право на учение, отдых и на труд”. У Хрущева это — новая программа партии, обещающая, что коммунистический рай наступит через 20 лет, что уже более осторожно. 2. Поиски “козла отпущения”: у Сталина это были троцкисты, бухаринцы, а потом просто “враги народа”, которыми оказывались все наиболее близкие его сотрудники. 3. Оплывание, а затем физическое уничтожение всех возможных соперников или преемников в случае личного краха.

Последний пункт нуждается в некотором объяснении: на Западе при наличии легальной оппозиции неудачи приводят к мирному переходу власти к этой заранее хорошо известной оппозиции: неудачи республиканцев в Соед. Штатах привели к власти демократов, если в Англии консерваторы потерпят в глазах народа неудачу, то придет к власти рабочая партия и т. д. Но в СССР, при отсутствии возможности выдвинуться новой легальной оппозиции, мысль невольно обращается, к тем свергнутым вождям, которые раньше критиковали неудачного диктатора. Значит, если известно, что Маленков преувеличал, как “целинная” авантюра с переброской рабсилы и лучшего земледельческого инвентаря в Сибирь приведет к упадку сельское хозяйство черноземных областей РСФСР и Украины, то теперь, раз это оказалось правдой, то не пора ли призвать к власти Маленкова? Если Молотов и Каганович предсказывали крах дипломатии Хрущева, то не пора ли призвать их исправить его ошибки?

К ним сразу перебежит блудливый старик Ворошилов, а за ним всякие Первухины и Булганины, которые уже в прошлом участвовали в интригах против Хрущева и притворно покаяться, чтоб сохранить посты, которые позволят им не только пользоваться привычной роскошью при общей нужде, но и помочь “антипартийцам” вернуться к власти. Поэтому, для Хрущева и его борзых: Полянского, Подгорного, Спиридонова, для связавшего с ним судьбу старого

Сталинича Микояна, для его старых клевретов Шелепина, Подгорного и Шолохова, для новых фаворитов Воронова и Демичева первой задачей было забыть всякие идеологические рассуждения о новой программе, всякие проекты кукурузно-бобового изобилия и введения новой техники и сообщить делегатам съезда и всему миру грязные и отвратительные преступления не столько безопасного сейчас Сталина, но еще больше сидевшего в президентстве Ворошилова, укравшегося в Вене Малотова и где-то под надзором Шелепина пребывающих Маленкова и Кагановича.

Первым по обоим докладам Хрущева выступил 1-й секретарь Московского Горкома Петр Нилович Демичев, заявивший, что антипартийцы, — “потухшие звезды, светившие при Сталине его отраженным светом”. Он не пояснил, светил ли работорговец Хрущев собственным светом не только при Сталине, но и потом при Маленкове в 1953-1955 годах! Киевский сатрап Н. В. Подгорный объявил Молотова, Кагановича, Маленкова, а заодно и Ворошилова “презренными политиками”, без которых “стало лучше дышать”. Ворошилов еще сидел на трибуне, что, видимо, не стесняло дыхания Подгорного.

Зато Подгорный рассказал интересную деталь времен диктаторства Кагановича на Украине: когда художники рисовали для музея грандиозную картину, изображавшую “героев” освобождения Украины от немцев в 1944 году, то Каганович потребовал, чтоб его изобразили среди них, хотя всю войну он не был на Украине, куда прибыл зверствовать лишь в 1946 году. Затем он рассказал, что сидящий в зале делегат поэт Максим Фаддеевич Рыльский был, якобы, спасен Хрущевым от ареста Сталиным, которому наклеветал на него Каганович.

Выступивший за ним ленинградский сатрап И. В. Спиридонов стал разоблачать инсценировку Маленковым “Ленинградского Дела” в 1949 году. Белорусский сатрап К. Т. Мазуров сообщил, как Маленков проводил в ежовщину чистку в Белоруссии: “все секретари ЦК, председатель Совнаркома В. И. Адамович, наркомы, многие руководители местных организаций были арестованы, а теперь эти ни в чем неповинные люди реабилитированы, причем многие посмертно”. Первый секретарь ЦК Узбекской компартии Ш. Р. Рашидов и его казахский коллега Д. А. Кунаев воздержались от нападок на “антипартийцев”, что показало отсутствие единения в рядах прежнего состава ЦК в отношении травли соперников Хрущева. В советской печати скрыто, что выступивший за ним Чу Эн-Лай подчеркнул солидарность с албанцами и упрекнул Хрущева за вынесение разногласий на трибуну, о чем я писал в прошлый раз. Отмечу, что все представители иностранных компартий ругали албанцев, кроме корейца и вьетнамца, явно солидарных с китайцами и албанцами.

20-го октября на антипартийцев напали Л. И. Брежнев, В. П. Мжаванадзе, новый зам. председ. Бюро по РСФСР Г. И. Воронов (председателем бюро

числится Хрущев), азербайджанский сатрап В. Ю. Ахундов, А. И. Микоян, Е. А. Фурцева, сообщившая о расстреле Кагановичем в 1937 году 350 работников железнодорожного транспорта, ныне полностью реабилитированных; она не добавила известный мне факт, что многие из них лаяли гол угрозами и пытками ложные сведения об устройстве крушений поездов по приказу зам. наркома путей сообщения Лившица, свояка Кагановича (они были женаты на родных сестрах, но Каганович подвел под расстрел по процессу Пятакова и Рателка своего свояка и единоплеменника, чтоб показать Сталину свое усердие) а потом был расстрелян, чтоб замести следы этой инсценировки. Затем 1-й секретарь Горьковского Обкома Л. Н. Ефремов сообщив, что в период “Ленинградского Дела” пострадал ряд коммунистов-горьковчан, потребовал исключения из партии Маленкова. Отмечу, что выступавшие президент Академии Наук М. В. Келдыш, работница В. И. Гаганова, текстильщица М. Н. Рожнева, бригадир А. В. Гитачов и иные рядовые партийцы держались в стороне и ни одного слова “антипартийцам” не бросили, что показывает их выжидательное отношение к желанье защищать Хрущева. Затем банальные осуждения антипартийцам произносили Таджикский сатрап Джубан Рагулов, Туркменский — Б. Овезов, председатель ВЦСПС В. В. Гришин, М. А. Сулов, А. Н. Косыгин, 1-й секретарь Краснодарского Крайкома Г. И. Воробьев. Отмечу, что выступавший 21-го октября эстонец Кэбин воздержался от нападок на оппозицию против Хрущева что требовало от него большого мужества. Первый секретарь компартии Армении Ян. Н. Заробян обвинил Маленкова в расстреле многих армянских коммунистов в 1937 году и требовал суда над ним. Аналогичные обвинения привел и Д. С. Полянский, выступая 23-го октября. Также выступали литовец А. Ю. Снечук и киргиз Т. Усубалиев.

Заслуживают внимания слова маршала Малиновского: “У нас, у военных,

есть с антипартийцами особый счет. Я вижу в зале крупных военачальников, которые безвинно сидели в тюрьме (намок на маршала Рокоссовского). Все армейские коммунисты единодушно с особой страстью одобряют разгром антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича, Ворошилова, Булганина, Первухина и Сабурова”. Надо полагать, что они также бы приветствовали гибель Хрущева, Сулова, Микояна; никто, по моему, из старых сталинцев не может рассчитывать на поддержку Рокоссовского в трудный момент. Конечно, Малиновский воспользовался случаем, чтоб еще раз обвинить своего личного соперника маршала Жукова в “авантюризме, бонапартизме, стремлении к единоличному захвату власти”.

Характерно, что главари Комсомола С. П. Павлов ни слова не сказал об антипартийцах! Мельком приветствовал разгром антипартийной группы Н. А. Мухитдинов, который заплатил за это постом секретаря ЦК! Зато патетически кричал писатель М. А. Шолохов: “До каких же пор мы будем держать в партии тех, кто причинил ей столько зла? Не слишком ли мы терпимы к тем, на чьей совести тысячи погибших жизней лучших верных сынов родины, тысячи загубленных жизней их близких?”

Эти слова в сущности можно отнести к Хрущеву не меньше, чем к “антипартийцам”, ибо на Украине жизни близких погибших сынам родины загубил именно Хрущев. Новый секретарь ЦК компартии Латвии старик подпольщик Пельше предложил “выбросить Кагановича, Молотова и других, как мусор, из нашего партийного дома”.

Очень интересна речь завед. отделом пропаганды ЦК Л. Ф. Ильичева, который за нее теперь выбран в секретари нового ЦК. Он обвиняет Сталина в осуждении книги расстрелянного в 1949 году Н. А. Вознесенского об экономике военного периода и исторической теории М. Н. Покровского (значит, сейчас снова будет взят курс на оплевывание прошлого нашей родины!). Он сообща-

✦ 21 ноября с. г., после продолжительной болезни, скончался капитан Марковского Артиллерийского дивизиона

ВАСИЛИЙ ИЛЬИЧ ШИНКАРЕНКО

о чем извещает семья покойного.

Погребение состоялось на Британском кладбище. Панихиды: в 9-й день, 30-го ноября, в 8 час. в соборе Воскресения Христова; в 40-й день, 31-го декабря, в 4 час. дня, на могиле усопшего.

✦ 10-го декабря в 1-ю годовщину кончины

КЛЕОПАТРЫ ДАВИДОВНЫ АССЕВОЙ

будут отслужены панихиды: 9-го декабря в 16,45 на могиле почившей; 10 декабря после Божественной Литургии в соборе Воскресения Христова, о чем извещает семья покойной.

✦ В годовщину смерти полковника

ВСЕВОЛОДА НИКОЛАЕВИЧА ЕГОРОВА

будут совершены следующие заупокойные богослужения в Храме Святого Духа на улице Облигадо 2130, Капиталь.

1. В воскресенье 10-го декабря в 12,30 час. — панихида по В. Н. Егорову, герою войны, в боях павшим и на чужбине почившим Дроздовцам-солдатам.

2. В понедельник 11-го декабря в 9-11 час. Заупокойная Литургия.

3. В понедельник 11-го декабря в 11,30 час. — панихида на Британском кладбище.

О чем сообщают друзьям и знакомым вдова и дочь покойного

ет новость: Молотов из Вены прислал в редакцию "Коммуниста" в январе с. г. статью о Ленине, но ее не напечатали, ибо автор в ней говорил о своей близости к Ленину, чем не смел бы хвастать Хрущев, которого Ленин не знал! Хитрый Ильичев против культа личности, но за "авторитет руководителей партии". Значит, сказать, что войну выиграл Сталин — это культ личности, а сказать, что ее выиграл гениальный Хрущев — это авторитет руководителя партии признать! Ильичев упрекал ЦК в излишнем снисхождении к антипартийцам и этим увенчал карьеру личного угодничества перед Хрущевым!

Председатель Комиссии Партийного Контроля старик Н. М. Шверник сообщил данные расследования преступлений Сталина за эти годы после XX съезда: он рассказал, как в 1937 году Маленков сфабриковал с Ежовым дело "Белорусского Партийного Центра" во главе с застрелившимся Председателем ЦИК А. Г. Червяковым, председателем совнаркома В. И. Адамовичем и всеми наркомом. Затем летом 1937 года он поехал в Армению, по пути заехал в Тбилиси за Берия и с ним поехал громить армянскую компартию, причем перестрелял почти весь секретариат ЦК и Совнарком; он лично допрашивал арестованных, применяя пытки. Тоже делал в ежовщину Каганович в Челябинске, Иванове, Ярославле и Сибири; еще раньше он казнил железнодорожников по всей стране и хвастал 10-го марта 1937 года: "Я не могу назвать ни одной железной дороги, где бы не было вредительства троцкистско-японского, где не оказалось бы таких вредителей".

Оказывается, что Каганович арестовал всех своих заместителей, почти всех начальников жел. д. и много лучших инженеров. Найдены в делах прежнего НКВД 32 личных письма Кагановича, в которых он требовал ареста 83 руководящих работников железных дорог, которые все расстреляны, а сейчас реабилитированы.

Молотов ввел систему арестов по спискам. Вот некоторые из его злодеяний: один профессор, работавший в комиссариате иностранных дел написал Молотову письмо, прося заступиться за арестованного своего отца. Молотов переслал письмо Ежову с вопросом, почему этот профессор еще работает в наркомате, а не арестован? В результате погибли и отец и сын! При поездке Молотова в Прокопьевск его автомобиль правыми колесами съехал с дороги, но никто не пострадал. Молотов велел арестовать шофера, его заставили сознаться, что ему поручили убить Молотова и ряд лиц был расстрелян. К этому рассказу Шверника могу добавить, что этот шофер Арнольд фигурировал на показательном суде над "право-троцкистским центром" Пятакова, Радека, Сокольников и др. 18 лиц. Шверник требовал теперь исключения этих трех злодеев из партии с преданием их суду.

Затем выругались в общих выражениях Завел, международным сектором ЦК Бор. Ник. Пономарев, награжденный потом производством в секретари ЦК, сообщивший, что Молотов противился хрущевской переименовке "Краткого курса истории КПСС", министр иностранных дел А. А. Громико, новый зам. председ. Госплана В. Э. Дымшиц, 1-й секретарь Свердловского Обкома А. П. Кириленико, поведавший, как в ежовщину были подряд расстреляны два состава Свердловского Обкома, все секретари горкомов и райкомов Свердловска и "особенно пострадали кадры железнодорожников". 1-й секретарь Московского Обкома Г. Г. Абрамов, Молдавский новый сатрап И. И. Бодюль, Башкирский — Зия Нуриев, 80-летний "ветеран" партии Ф. Н. Петров, редакторы "Правды" П. А. Сатюков и "Известий" А. И. Аджубей. Интересно указание Сатюкова, что перел самым съездом Молотов прислал из Вены резкую критику Хрущевского проекта программы, что показывает, что старый подпольщик и сейчас семидесятилетний большевик отстаивает свои позиции в партии, в которой состоит 54 года. Секретарь ЦК 80-летний Отто Вильг. Куусинен заметил, что за свою долгую жизнь убедился, что в основе всяких оппозиций лежит под идеологическими разногласиями борьба за власть, что настоящая оппозиция не имеет даже письменной программы, а ее цель была и остается — "удалить из Президиума Никиту Сергеевича Хрущева — продолжателя дела Ленина и захватить руководящие посты!"

Самые важные разоблачения сделал, однако, Председ. Комитета Гос. Безопасности Ал. Ник. Шелепин, также награжденный за них постом секретаря ЦК. Участники Гражданской войны помнят, как зверствовали большевики, ворвавшись в Киев в день Покрова 1919 года под командой Ионы Якира, который потом говорил, что перебьет всех "попов" и офицеров за то, что в школе товарищи дразнили его, что он еврей. Тогда его отряд был выбит, но вскоре Киев был добровольцами оставлен и Якир там зверствовал. Будучи при Сталине командующим войсками Украины, он был арестован в Киеве в конце мая 1937, года и на процессе Тухачевского униженно просил его спасти, клеветца на мужественно себя державших Тухачевского, Корка и других подсудимых партийных генералов. Выпрашивая жизнь после смертного приговора, он написал в политбюро письмо, которое теперь Шелепин огласил: "я... честен каждым своим словом, я умру со словами любви к Вам, к партии, к стране, с безграничной верой в победу коммунизма!"

Тухачевский отказался просить о помиловании, а на этом жалком письме "трожавшего перед смертью советского "героя" Сталин написал: "Подлец и преступник". Ворошилов приписал: "совершенно точное определение!", Молотов просто подписался под этими словами, а Каганович добавил "предательство, сволочи и (непечатное ругательство) одна кара — смертная казнь". Узнав, что его с остальными полководцами расстреляют, Якир просил передать Ворошилову новое предсмертное письмо: "В память многолетней в прошлом честной работы в Красной армии прошу Вас поручить посмотреть за моей семьей и помочь ей беспомощной и ни в чем неповинной. С такой же просьбой я обратился к Н. И. Ежову. Якир. 9-го июня 1937 года". На этом документе резолюция: "Сомневаюсь в честности бесчестного человека. Ворошилов. 10 июня 1937 г."

Бледный и растерянный, слушал теперь Ворошилов чтение Шелепиным этого документа. Конечно, все коммунисты одинаковы: Якир никогда не думал о семьях расстреливаемых им в Киев офицеров, священников и многих своих невинных жертв и Ворошилов был равнодушен к семье этого зверского и трусливого "героя" Гражданской войны.

Затем Шелепин перешел к Молотову и рассказал, что на крупного большевика из Бюро Комиссии Советского Контроля Г. И. Оппокова (Ломова), бывшего в 1917 году первым Наркомом Юстиции, поступил к Сталину донос, обвинявший его во встречах с Бухариным и Рыковым перед их арестом: Сталин переслал донос Молотову, надписав: "Как быть?" Молотов ответил надписью: "За немедленный арест этой сволочи Ломова. В. Молотов". Ломов был арестован, вскоре расстрелян, а сейчас реабилитирован. Молотов настоял, как теперь говорит Шелепин, на расстреле реабилитированных теперь 1-го секретаря Уральского Обкома Кабакова, наркомом легкой промышленности Уханова, председателя Дальневосточного Крайкома Крутова и "многих, многих других товарищей".

Относительно Маленкова Шелепин сообщил новость для меня. Помню, как в 1937 году появилось сообщение о самоубийстве первого секретаря ЦК компартии Армении Агаси Гевондовича Ханджяна, вызванном, якобы, его страданиями от легочного туберкулеза, мешавшего его партийной работе на посту, который 35-летний Ханджян занимал с 1930 года. Теперь Шелепин сообщает, что его застрелил в своем кабинете в Тбилиси Берия в присутствии Маленкова. Затем Маленков приказал расстрелять не только всех руководителей армянской компартии, но и всех, кто знал обстоятельства смерти Ханджяна. Берия и Маленков всегда, якобы, покрывали друг друга и Берия организовал "Ленинградское Дело" в 1949 году, чтоб расстрелять неугодных Маленкову секретаря и члена оргбюро ЦК Андрея Андр. Кузнецова, члена политбюро Н. А. Вознесенского и ряд неназванных лиц в Москве, Ленинграде и Голыом.

Шелепин формулировал требование с привлечением Молотова, Кагановича и Маленкова к "строжайшей ответственности" наряду с другими участниками группы; из них он особо помянул Булганина.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

РАСПОРЯЖЕНИЕ ВАТИКАНА

Нам пишут из Нью Йорка: Раввин Иоахим Принц, председатель Американского Еврейского Конгресса, живший до Второй Мировой войны в Германии и высланный оттуда в Соединенные Штаты, произнес в Вашингтоне речь, в которой похвалил "попытки революционных римско-католических и протестантских кругов искоренить религиозную основу антисемитизма".

По мнению Принца, эти попытки следуют расценивать, как "начало новой эры в отношениях между христианами и евреями". По мнению Принца, "признание вождями христианства того обстоятельства, что христианская традиция отчасти ответственна за антисемитизм и за ужасы национал-социализма, как это было установлено во время процесса Адольфа Айхмана... можно признать поворотным пунктом в отношениях между христианами миром и еврейским народом".

В виде доказательства перемены отношения католиков к евреям, раввин Принц сослался на состоявшееся в начале октября с. г. распоряжение Ватикана об уничтожении средневековых надписей в римско-католической церкви в Деггендорфе, в Германии. Эти надписи объясняли значение существующих в этом храме изображений нескольких младенцев, которых римско-католическая Церковь причислила к лику мучеников. В надписях было сказано, что эти младенцы были жертвами ритуальных убийств.

КАТАКОМБНАЯ ЦЕРКОВЬ В РОССИИ

Нам пишут из Нью Йорка: "Новое Русское Слово", в статье С. Рождественского, сообщает, что в Москве издательством "Знание" выпущена брошюра Ф. М. Придувалова: "Отношение советского государства к религии". Эта брошюра подтверждает существование в России потаенной Церкви, последователи которой называют себя "истинно-православными".

В брошюре сказано, что "группы истинно-православных христиан были обнаружены... в Прикамье и в Татарской АССР в селе Ланшево и около Билярска... Из Сибири, Казахстана, Поволжья и других мест стекались сюда люди, обманутые кучкой туенядцев, именующих себя истинно-православными христианами, последователями патриарха ТИХОНЫ..."

Автор брошюры ссылается на газету "Советская Россия" от 7-го сентября 1961 года, сообщившую, что "сейчас в Новохешминском, Аксубаевском и других прикамских районах прохоят собрания трулящихся, осуждающих грязные дела истинно-православных христиан и требующие, чтобы местные власти закрыли их нелегальные молитвенные дома и строго наказывали тех, кто не разрешает своим детям ходить в школы и быть пионерами..."

Та же советская газета сообщает, что "истинно-православные продолжают верить в Великого Князя Михаила, который, якобы, жив, здоров и придет пепел концом света царствовать в России..."

СЪЕЗД СОЦИАЛИСТОВ-ЭМИГРАНТОВ

Нам пишут из Рима: Под председательством Сигизмунда Зарембы, представителя польской социалистической партии в эмиграции, в

Риме состоялся съезд Союза социалистических партий Восточной и Центральной Европы. В съезде участвовали представители болгарских, венгерских, латвийских, литовских, польских, румынских, украинских, чешских, эстонских и югославянских эмигрантов-социалистов.

ЮГОСЛАВЯНСКИЙ НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ

Нам пишут из Нью Йорка: Югославское консульство в Нью Йорке подтвердило слухи о том, что один из ближайших сотрудников Тито, известный экономист Ненад Попович, занимавший в последнее время должность товарища министра иностранных дел коммунистической Югославии, порвал с титовцами и стал невозвращенцем. Попович ныне временно находится в Соединенных Штатах и читает лекции по своей специальности в университете в Сиракузах, в штате Нью-Йорк.

Попович был до Второй Мировой войны банковским служащим в Белграде. После занятия Белграда немцами, он был арестован. В титовской Югославии он был директором института по вопросам репараций и вице-председателем гербской областной плановой комиссии. Позже он был представителем Югославии в международном монетарном фонде, а затем одним из вице-президентов югославского национального банка.

В августе с. г. Попович выехал с женой и детьми из Югославии в западную Европу в качестве туриста. Из этой поездки он не вернулся в Белград и оказался, в начале сентября, в Лондоне, где связался с американцами и получил визу в Соединенные Штаты.

ПИСЬМО И. СОКОЛЬНИЦКОЙ

Нам пишут из Лондона: Польский эмигрантский еженедельник "Вядомости" опубликовал письмо Ирины Сокольницкой, жены польского дипломата и историка М. Сокольницкого, который был до Второй Мировой войны посланником в Копенгагене, а затем — до и во время войны — послом в Анкаре.

Сокольницкая опровергает напечатанное тем же польским еженедельником после кончины Великой Княгини Ольги Александровны мнение сотрудника этого издания, проф. М. К. Павликовского, о том, что Великая Княгиня, выйдя замуж в 1916 году за полк. Куликовского, лишилась великокняжеского титула и связанных с ним прав. Сокольницкая напоминает, что на брак Великой Княгини с полк. Куликовским было дано согласие царствовавшего Императора и особым Высочайшим указом за Великой Княгиней был сохранен ее титул и связанные с ним права.

— Я пишу об этом потому, — заявляет Сокольницкая, — что из всех тех, кого я знала, Великая Княгиня Ольга Александровна, несмотря на ее происхождение, была совершенно лишена какого-либо снобизма, а, кроме того, была совершенно исключительной личностью как в отношении ума и характера, так и в отношении ее таланта, как художницы. Я хорошо знала ее, когда мы жили в Копенгагене, и состояла с ней в многолетней переписке, продолжавшейся до последних месяцев ее жизни. Когда-нибудь я, может быть, напишу о ней более подробно, на основании ее рассказов и писем. Она заслуживает этого, хотя бы вследствие ее необыкновенно доброжелательного отношения к Польше и к полякам. Она засвидетельствовала свое отношение к одинокой борьбе Польши сразу же после 17-го сентября 1939 года, когда советские орды ударили Польше в спину, написав мне о своем сожалении, что она только на словах может сочувствовать нам и протестовать.

Западные эксперты еще сейчас допускают, что после исключения из партии "антипартийцев" суда над ними не будет, ибо теперь Хрущев не употребит Сталинских приемов. Но они забывают, что также последовательно поступал Сталин, который не смел сразу расправиться со своими влиятельными врагами: Зиновьев и Троцкий исключены из политбюро в 1927 году, лишь в 1929 году — из партии, а казнен был Зиновьев лишь в 1936 году, будучи сперва приговорен в начале 1935 года к 10 годам заключения в политизоляторе. Если сразу ликвидировали сравнительно недавних членов партии, как Тухачевский или Блюхер, то со старыми большевиками Сталин действовал вышесказанными этапами. Так и Хрущев

с Берия и Багировым покончил с помощью Молотова и особенно Маленкова сразу, а со старейшими полпольщиками поступает тоже "этапами" на пути к казни. Ведь дело идет о старейших подпольщиках дореволюционной эпохи: Ворошилов вступил в партию в 1903 году, Молотов — в 1906 году, оба были участниками первой революции; Каганович вступил в 1911 году в годы "Столыпинской реакции", говоря языком партии. Никто из вышеперечисленных обвинителей такого стажа не имеет. Поэтому в заключительном слове Хрущев предложил помиловать Ворошилова, который после созыва Пленума в июне 1957 года предал своих друзей по борьбе против Хрущева и выступил за Хрущева, чем помог ему в глазах

Н. Кусяков

РОДОС

Родос — это греческий остров в восточной части Средиземного моря. Он лежит возле самого берега Малой Азии. О нем приходится слышать в разговорах о Микенской культуре. Это на нем, именно, находилось одно из семи чудес света — Колосс Родосский, — как утверждает легенда, громадная бронзовая статуя языческого бога солнца, Гелиоса. Ноги этой статуи стояли на двух скалах по обе стороны входа в гавань Родосской бухты. Название Родоса встречается также и в Св. Писании — см. Деяния 21, 1.

Древнее место. Давно, основательно и крепко обжито оно человечеством. Еще в I веке познавший христианство Родос крепко связан с Православной Византийской культурой и согрет ею. Были времена, когда остров попадал под власть турок, было время, когда он находился в руках римского католицизма. Но влияния приходят и уходят, а основа остается. Этой основой здесь являются греческое население и издавна принятая им православная христианская культура. Они-то здесь и господствуют.

И природа и виды на Родосе все те же, что были тысячи лет тому назад. Все то же ясно-голубое небо, те же глубины прозрачного Средиземного моря, бесчисленные острова Ионического архипелага, все те же скалистые их берега, все та же полутропическая растительность, с ее пальмами и стройными кипарисами, которые зелеными веретеницами пронизывают небо, стремясь ввысь. То здесь, то там мелькают высокие части строений православных храмов, нет-нет блеснет белизной монастырская стена, или же вдруг откуда-то покажется минарет, да слышится призыв мюзанна.

Идут века неумолнимо чередой, но и теперь, как много столетий тому назад, все так же плещутся о скалы Родосского берега волны синего моря, вокруг которого расползлась Вселенная.

Медитерра!

В октябре 1961 года Родос оказался сценой события давно небывалого: здесь произошла встреча групп представителей автокефальных и автономных Православных Церквей и дружественных им христианских обществ. Целью встре-

чи было установление контактов, необходимых для совместной работы, для сближения, для постоянного обмена мнениями и для того, чтобы подготовить почву для учреждения Предсоборного Совещания, способного повести в дальнейшем к организации Вселенского Собора Св. Православной Церкви Христовой.

Встреча, о которой мы сообщим здесь, именовалась Всеправославным Совещанием. Несмотря на то, что о нем уже появились отдельные статьи (в частности см. статью А. Ростова в № 614 «Нашей Страны»), сказано еще далеко не все. О Родосском Совещании будет и впредь еще написано немало очерков, статей и соображений. Причина этому в том, что значение Совещания для жизни Православной Церкви, как то выяснилось по ходу деятельности Совещания, далеко выходит за пределы важности, предусмотренной при его организации.

Организаторы Совещания подошли к делу его созыва, желая обеспечить обстановку, в которой деятельность участников встречи была бы вполне свободна от каких бы то ни было политических влияний и тем более страстей. Политические соображения, определяемые духом нейтралитета диктовали необходимость господства взглядов более широких, свободных, беспристрастных и объективных, нежели те, которые могли бы в силу политических мотивов препятствовать объединению Православных Церквей. В результате, к участию в Совещании были призваны представительные группы от 14-ти православных Церквей и дружественных Православия христианских общин из государств, лежащих как по ту, так и по эту сторону линии, так называемого, Железного Занавеса.

Из первых наиболее заметное место занимала Русская Православная Церковь, пребывающая в Союзе Советских Социалистических Республик, то есть в боготорческом государстве, учрежденном в целях всемирной коммунистической революции на месте поверженной в прах православной России.

Рассматривая канонические положения Православной веры исключительно с точки зрения буквы канонов (сравн. 2 Кор. 3, 6), организаторы Всеправославного Совещания не сочли возможным призывать к участию в Совещании Русскую Православную Церковь за границей, представляем которой является Митрополит АНАСТАСИЙ. Не были

призваны к участию также и находящиеся за границей Румынская и Болгарская Церкви.

В то же время, обстоятельства, относящиеся к работам Всеправославного Совещания, чрезвычайно интересовали русскую православную общественность за границей, и она проявила самостоятельность на свой страх и риск. Общество «Православное Дело», известное по выпускаемому им небольшому журналу «Вестник Православного Дела», решило послать на Родос одного из своих членов. Выбор пал на о. Георгия Романова, настоятеля храма Всех Святых в Земле Российской Просиявших, находящегося на окраине Буэнос Айреса в Аргентине и связанного с епархиальным благотворительным обществом Hogar Ortodoxo Ruso.

Участником Совещания о. Георгию быть не пришлось, однако, присущая ему энергия по воле Божией повела к тому, что он для решения задачи Всеправославного Совещания выполнил большую службу.

Совещание открылось 24 октября во второй половине дня. Первое заседание было посвящено торжеству открытия, речам, надеждам и уверенности в том, что Совещание принесет обильные плоды. Речи произносили по-русски и по-гречески.

Внешне Совещание протекало в духе современности. Если бы не духовная одежда участников Совещания, то в иной момент было бы даже и затруднительно установить, что здесь происходит религиозно-церковное собрание, а не конференция одного из многих мирских обществ, занятых наукой, благотворительностью или, наконец, — столь модным сейчас вопросом предотвращения войны. Большие портфели, папки с бумагами, отовсюду направленные аппараты и бесконечные «флэши» фотографов, наконец, даже — хореографический спектакль этнографического характера для участников Совещания, — все это подчеркивало современный стиль Совещания.

Впрочем, общее настроение — подъем религиозного духа, — царившее на православном Родосе в те дни, также давало знать о себе. Торжественные богослужения, крестные ходы, при звуках благолепного перезвона колоколов, в эти дни явили на Родосе живость веры и радость представленного здесь православного народа по поводу совершения столь важного дела, как встреча всех Православных Церквей.

членов ЦК, видевших в Ворошилове старейшего члена ЦК и одного из старейших подпольщиков.

Прения по докладу Козлова об уставе повторяли те же нападки на «антипартийцев». Но затем Хрущев приготовил делегатам другой сюрприз: на заседании 30-го октября выступили Спиридонов от Ленинградских делегатов, Демичев — от Московских, Полгорный — от Украинских с предложением перенести труп Сталина из мавзолея, куда его со страху положили его убийцы, тогда державшие его именем у власти и лившие слезы на его похоронах. Затем произошло драматическое выступление 79-летней Лазуркиной: это курсистка-еврейка, вступившая в партию в 1902 году, когда ей минуло 21 год; она работала разъездным курьером между Лениным в Женеве и Петербургской и другими организациями. В мае 1937 года Жданов объявил членам Обкома, что в Москве арестованы вызванные туда второй секретарь Обкома Мих. Сем. Чулов и председатель Исполкома Кадацкий. Лазуркина, бывшая в свои 53 года старейшим членом Обкома, заявила Жданову, что не верит в виновность Кадацкого, члена партии с 1913 года и подпольщика в годы войны. «Лазуркина, прекратите разговор, иначе Вам будет плохо», — сказал Жданов, смотря жестокими глазами. Ее вскоре арестовали, били на допросах, два с половиной года она провела в тюрьме и свыше 15 лет в концлагере, откуда ее освободили в начале 1956 года 72-летней старухой. Она говорила, что в лагере все старые партийцы проклинали Сталина, она же всегда думала, что он — идеал большевика, которого обманывают какие-то вредители. Ленин и Сталин были рядом в сердце заключенной большевички. Теперь после освобождения она вырвала Сталина из сердца, узнав его преступления. Лазуркина

закончила так: «Я ношу в сердце Ильича, благодаря вере в него я выжила и вот вчера я советовалась с Ильичем — он стоял, как живой, передо мной и сказал: мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принес партии!»

Съезд решил перенести мумию Сталина из мавзолея и замуровать в кремлевской стене рядом с Калининским. Затем съезд приступил к выборам ЦК и Центральной Ревизионной Комиссии, с новым составом которых смогу ознакомиться читателей по опубликованию их списка в следующий раз.

«Журнал Московской Патриархии» без всякой причины счел нужным дать биографию с портретом митрополита Нестора Кировоградского и Николаевского (Николая Александровича Анисимова), занимающего эту кафедру уже три года. Биография умалчивает о том, что он во дни Октябрьских боев 1917 года в Москве бесстрашно ходил под огнем обеих воевавших сторон со Святыми Дарами и напутствовал умирающих, что он через неделю после захвата большевиками власти в Москве опубликовал брошюру со снимками пострадавших от бомбардировки церквей, за что был первым арестованным в ноябре 1917 года епископом, которого Дзержинский допрашивал в качестве члена Ревкома еще до учреждения две недели спустя чрезвычайки. Говоря о переходе его в 1929 году на сторону Московского Митрополита Сергия, умалчивается о том, что он вернулся вскоре в Церковь Архиерейского Зарубежного Синода. Помещение без повода его биографии наводит меня на мысль о том, что он намерен преемником слабейшему физически Патриарху.

11-го июня с. г. скончался в Крыму ослепший еще пять лет назад, но продолжавший занимать кафедру архи-

епископ Лука (Войно-Ясенецкий). Полак Валентин Феликсович родился в 1877 году в семье врача, студентом принял православие и в Киеве учился живописи; затем примкнул к народникам и перешел на медицинский факультет, который окончил в 1903 году и работал хирургом. Революция застала его главным хирургом госпиталя в Ташкенте; овдовев в 1919 году, постригся в монахи с именем Луки в честь евангелиста-врача; получил кафедру хирургии в Ташкентском университете в 1920 году, что не мешало ему стать в 1921 году иеромонахом, а в 1923 году — епископом. За проповедь «Социализм — опium для народа» сослан в Енисейск, позднее в Туруханск, где вездеработал врачом; в начале войны сразу стал ярым сталинцем и назначен главным хирургом Красноярского военного госпиталя. В конце 1942 года в результате соглашения Сергия со Сталиным назначен архиепископом Красноярским с одновременным выполнением обязанностей хирурга. В 1944 году вернулся в Европ. Россию архиепископом Тамбовским и Мичуринским и там работал хирургом. Сталинскую премию в 200.000 рублей за труд по хирургии пожертвовал на «борьбу с фашизмом». В 1946 году переведен в Симферополь, где в проповедях ратовал за ненависть к немцам, а потом к американцам. Его поведение всегда поны ненависти к врагам большевизма. Поэтому он оставлен на кафедре, хотя ослеп в 1956 г. и не мог служить сам, причащаясь из рук священников. Это не мешало ему в проповедях взывать о ненависти к немцам к Аденауэру, затем Айзенхауэру, к Папам Римским Пио XII, затем Иоанну XXIII и под конец к Кеннеди. На многих этот воспетый большевиками хирург с пангией производил впечатление одержимого. Да будет Господь ему милостивым Судней! Алексей Ростов

Из-за Железного Занавеса должно было прибыть восемь групп. Но, очевидно по воле Москвы, представители Албанской и Грузинской Православных Церквей на Совещание не явились. Остальные шесть представляли собою единый блок, подчиненный «москвичам». Русские из Москвы занимали в Совещании ведущее положение. Это весьма осложняло положение представителя общества «Православное Дело». Для всех, кто в эти дни был на Родосе, видеть русского священника не из красного лагеря здесь было делом великой неожиданности.

Предугадывая это обстоятельство и желая смягчить шок неожиданности, и тем предотвратить возможные недоразумения, о. Георгий, так сказать, последовал примеру Великого Князя Святослава и заблаговременно дал знать о своем прибытии.

— Гряди на вы!

Находясь на пути к Родосу, в Женеве, о. Георгий поместил в газ. «Журнал де Женев» (вып. от 15 сентября) статью, где было высказано мнение православного русского священника находящейся на свободе русской Православной Церкви о положении Церкви в СССР. Находясь в Афинах, он дал интервью местным журналистам. Поэтому, через афинские газеты и радио весть о прибытии на Родос русского священника из «белого» лагеря достигла сюда еще до приезда о. Георгия.

Прибытие русского священника из антисоветского лагеря было здесь встречено благоприятно всеми, кого это касалось. Даже советские представители изобразили на лице нечто подобное радости свиденья после долгой разлуки. Особое внимание о. Георгию оказал Преосвященный епископ Емельян, — представитель Константинопольского Патриарха в Мировом Совете Церквей (Экуменический Совет).

По прибытии на Родос, о. Георгий позаботился довести до ведома участников Совещания мнение русской православной общественности за границей о Московской Патриархии, ее роли, ее положении и о бедственном ее состоянии по вине боготорческого большевистского государства. Для этого участникам Совещания был роздан листок обращения к Всеправославной Конференции на острове Родос. (Полный текст этого Обращения напечатан в сентябрьском выпуске «Вестника Православного Дела» № 10).

Статья о. Георгия в «Журнал де Женев» и, повидимому, листок, раздававшийся участникам Совещания, были доведены до сведения Константинопольского Патриарха. С этого времени и до конца Совещания внимание и личный интерес к священнику находящейся на свободе русской общественной организации «Православное Дело» возрастал чем дальше, тем глубже.

Работа Совещания разделилась на три этапа. Первый — торжественное открытие; второй — рабочие заседания, проходившие при закрытых дверях и, наконец, третий — заседание резолютивное, на котором были оглашены разработанные резолюции.

В ходе заседаний Совещания с постоянно нарастающей ясностью выяснилось, что люди, приехавшие из Москвы Русскую Православную Церковь представлять не могут! Каждое их выступление, каждый шаг, говорили, что даже если по букве канонов они являют Русскую Православную Церковь, по существу их положение не приходится считать канонически оправданным.

Во всех тех случаях, когда делегация Московской Патриархии являла свое официальное лицо, — в ее действиях сквозило задание советского прарителя. Единственно, где они были свободны от влияния коммунистической партии, было обсуждение чисто внешних церковных вопросов вроде некоторых пунктов устава, календаря и т. п. Здесь «москвичи» являли чуть не старообрядческую верность букве и ритуализму, который было бы лучше применить при обсуждении других, более значительных вопросов.

Надо сказать, что с тех пор, как Московская кафедра склонилась перед властью большевиков, ее ведущие деятели любили проявлять каноническую строгость, доказывая, что они ничего общего не имеют с обновленцами. За этой строгостью к букве канонов скрывается большая мягкость к главному пункту обновленческого движения и полное

принятие основы обновленчества: переход на сторону революционной власти.

Стоя на стороне большевистской государственной власти, представители Московской Патриархии на Родосе заявили, что в силу действия советской конституции они не могут принимать участия в обсуждении вопросов борьбы против атеизма.

Это заявление обличило, что делегация Московской Патриархии лишена свободы. Обличило оно и насильственную, антинародную сущность конституции советского государства. Если духовенство Московской Патриархии не имеет права проповедывать вне церкви, если она лишена права обращаться к неверующим к вере, то это значит, что она лишена свободы слова.

Заявление Московской делегации отвечало духу советской жизни в полной мере: ложь, которая обличает сама себя! Соблюдая верность сталинской конституции, они косвенно, но совершенно неприкрыто заявили, что они лишены свободы слова, которую им "гарантирует" эта самая конституция. Очевидно, советские чиновники, инструктировавшие архиепископа Никодима, забыли, что ему придется выступать не перед собранием советских граждан, привыкших молча глотать то, что преподносит докладчик, но перед аудиторией свободных людей.

Шило лжи советской конституции вылезло из мешка, ибо на Родосе было черным по белому заявлено, что советские граждане не имеют права слова. И не просто слова не имеют, но не имеют свободы слова при исполнении своей конституционной им разрешенной профессии! Конечно, многим известно, что в СССР царит диктатура пролетариата, но о ней красные помалкивают. Теперь же, как сказано, — шило вылезло из мешка, да еще в международном, так сказать, масштабе.

Невольно усиливая впечатление своей зависимости от власти коммунистической диктатуры, московская делегация выступила с требованием введения в повестку Совещания вопросов борьбы с колониализмом, пыталась повернуть речь на тему о борьбе с расизмом, прозрачно намекая, что речь идет об американском вопросе черной и белой расы, и довела дело до повторения отредактированной Хрущевым Стокгольмской резолюции о мире. Невыгодно отличила себя московская делегация также и тем, что она стремилась использовать свое положение самого богатого члена собрания и, вопреки правилам этики, домогалась председательского кресла. Не прошло!

Все эти элементы действий делегации Московской Патриархии просто и ясно подтверждали то, что было сказано русской общественной мыслью; подтверждали именно то, что характеризует положение Церкви в СССР, говорила листовка общества "Православное Дело". Все это косвенно, но очень ясно подтвердило и то, что каноническая правда Русской Православной Церкви находится не на стороне официальной Московской Патриархии, но на стороне Церкви тайно существующей и по мере сил противостоящей большевистскому безбожию, равно как и на стороне духовно с нею объединенной Русской Православной Церкви за границей. Каноническая правда на нашей стороне!

Разумеется, это повернуло настроение и заставило всех других членов Всеправославного Совещания с особым чувством вспомнить о Русской Православной Церкви за границей.

Вне заседаний члены московской делегации также не располагали собою, как свободные люди. Некоторые из них даже были способны вызвать к себе сочувствие по этой причине. Все члены делегации ни при каких условиях не снимали с себя отличия сработавшей личности советского гражданина, у которого никто никогда не отличит — в шутку он говорит или всерьез верит тому, что произносит. Поэтому из среды членов московской делегации не было возможности отличить подлинно русских советских граждан от подленьких советчиков, потихоньку крапавших донос друг на друга. Хотя при встречах с людьми из свободного мира, все "москвичи" заботливо оберегали себя от того, чтобы невзначай не проявить человечности, при соприкосновении с овечьей шерстью некоторых из них нет-нет да и слышалось рыкание вока.

Наглостью вызывающего просвет-

ского тона особенно поражал архиепископ Василий Кривошеин, человек, всю свою зрелую жизнь проведший в эмиграции, в свое время еще в Париже переметнувшийся к большевикам и по-настоящему Советского Союза ни разу не видавший. Чуждые русскому народу просветские бестактности архиепископа Василия очевидно весьма раздражали настоящих москвичей, выдавших всякие советские виды. Некто из советской группы даже был вынужден останавливать архиеп. Василия в потоке его грубых нападок на Русскую Православную Церковь за границей.

При встречах с кем бы то ни было на Родосе представитель общества "Православное Дело" о. Георгий Романов рекомендуясь неизменно указывал, что он — "белобандит". По этому поводу кто-то из московской делегации стал толковать, что теперь, де, вам советская власть простит прошлое, но что последовала такая реплика:

— Дело не в том, чтобы нам советская власть простила, а в том, что простит ли вам Бог то, что вы сотрудничаете с врагами Христовыми?..

Случилось о. Георгию встретиться и с архиепископом Никодимом. Со стороны Преосвященного в разговоре последовало многое из того, что надо называть "повторение пройденного". Говорил он о том, что, де, теперь там все переменяется и т. п., однако, ему вскоре пришлось от наступления перейти к обороне.

Архиеп. Никодим обвинял Русскую Зарубежную Церковь за агрессивные осуждения, направляемые ею Московской Патриархии и ему лично. Из этих замечаний оказалось, что "Православная Русь" до него все-таки доходит, впрочем — осталось неясным: целиком ли он ее читает, или же только в вырезках, которые ему преподносит специально доверенный цензор. Обвиняющий тон архиеп. Никодима "выдохся", когда о. Георгий ему объяснил, что мы обвиняем не деятелей Московской Патриархии, но ее деятельность; не личности, но ошибочный, вредный и противный Истине принцип, ибо Церковь не может и не должна ни признавать власть богоборцев, ни подчиняться ей ни тем более сотрудничать с нею.

Архиеп. Никодим пытался объяснить, что хотя и верно, что патриарх Тихон изрек анафему большевикам, но он же сам позднее искал примирения с ними, что делает весь вопрос спорным. На это о. Георгий ответил ему, что "Анафему-то Патриарх все-таки не отменил!"

Пытаясь отклонить обвинение в том, что Московская Патриархия отрекается от мучеников принявших смерть за Христа от власти богоборцев и тем самым попирает их память, архиеп. Никодим был вынужден прибегнуть к формуле о том, что, де, "Вы превеличались". Он стал говорить, что теперь о преследовании Церкви речи нет и в помине. Однако, тут же выяснилось, что юный владыка слишком юн, чтобы помнить то, что было. Рожденный в 1929 году он не помнит тех дней, когда улицы русских городов были запружены шествием от разрушаемых храмов. Ему кажется нормальным, что в Москве есть только 35 храмов. Колокольный звон дома он ни разу и не слышал, а массового уничтожения духовенства он не пережил просто потому, что к его времени оно уже было уничтожено!

Архиепископ Никодим пытался также отклонить от себя вопрос об отношении к памяти мучеников тем, что, дескать, нельзя же из их подвига делать флаг политической борьбы! Мученики совершили свой подвиг и находятся на Небе. У нас свои задачи!

— Но ведь Вы, Владыко, все же совершаете литургию на антиминсе, где вложены мощи мучеников?

— Да.

— Значит Вы признаете себя исполнителем тех же принципов, за которые отдали свою жизнь эти мученики?

— Да.

— Как же получается, что теперь у Вас не те задачи, за которые отдали свою жизнь наши русские мученики, отдавшие жизнь за исповедание Христа в России?

Архиеп. Никодим тогда пытался сыграть роль (а может быть, он и являл действительную пустоту души?), избрав из себя "Ивана, не помнящего родства", человека, которого не волнуют ни страдания, ни слезы, ни кровь, в недавнем прошлом пролитые русским

народом и Церковью за исповедание Христовой Правды! Ему, де, важны задачи сегодняшнего дня.

— Ну, даже если это все так, — говорю я, — то ведь это все в прошлом! Теперь этого нет. Теперь!.. он хотел продолжать речь о новых задачах, о том, что теперь преследований нет...

— А Ваш предшественник где, Владыко?

Вспомнив о судьбе исчезнувшего с горизонта митрополита Николая Ярушевича, архиеп. Никодим умолк. Ответить и в самом деле было нечего.

— Понимаете ли Вы, Владыко, что если бы с самого начала было проявлено решительное непризнание советской власти со стороны Церкви, то скорее всего теперь от этой власти уже не было бы и помину!..

Трудно было архиеп. Никодиму слушать такие речи. И без того трудные встречи кулуарного характера больше не повторялись.

А со стороны людей свободного мира внимание к о. Георгию делалось все более ярким, более явным. В его лице все видели священника Русской Православной Церкви, ни разу не опустившей знамени своей борьбы за Истину Христову, попираемую коммунистами на русской земле; — Церкви, которая неуклонно пользовалась Богом данной ей свободой, чтобы вешать правду о судьбе своей Православной Родины. Крепость нашего исповедания все больше и больше привлекала к себе сердца всех, кто встречался со священником, невольно оказавшимся представителем Русской Православной Церкви за границей.

— Ах, так Вы настоящий русский батюшка! Вы не советский! Тогда благословите.

И руки протягиваются за пастырским благословением.

И не только православные греки. "Внешние" в не меньшей степени оценили деятельность православной русской патристической общественности и Русской Православной Церкви за границей, и после Совещания о. Георгий оказался центром внимания многих газет и журналов. Его отчеты о положении Московской Патриархии и о Русской Православной Церкви за границей были помещены в трех международно известных журналах в Швейцарии, а корреспондент парижской газеты "Аврора" проникся столь живым впечатлением, что в своей газете просто высказал, что, "де, вместо "москвичей" надо было на Совещание на Родос приглашать представителей от Русской Православной Церкви за границей.

Значение этой реакции трудно переоценить. Люди, имеющие опыт отношений между русскими патристами из лагеря "белых" и организациями свободного демократического мира, привыкли видеть, как нас неохотно не только слушали, но и вообще, как неохотно причмали. Теперь, когда к нашему делу вместо прежнего невнимания, близкого к враждебности, проявляется сочувствие, притом сочувствие полное, желание успеха делу нашей борьбы, мы начинаем испытывать сознание, что в нашей борьбе мы не одиноки.

Проявление именно такого сочувствия "внешних" ярко проявилось при торжестве Православия, то есть в дни Всеправославного Совещания на Родосе. Здесь, на православной земле, где вьется древний Византийский штандарт, издревле принятый Русскими Царями в знак наследования Православной культуры, — черный двуглавый орел на темно-желтом фоне, тот самый штандарт, который напоминает о мученически погибшем Государе, в обстановке, где волей-неволей быти упомянуты мученики Русской Церкви, погибшие от богоборческой власти, — в этой именно обстановке пришлось ощутить нечто в роде поворота в отношениях "Запада" к русскому вопросу.

Все годы борьбы русской эмиграции против большевизма были отмечены тем, что нам не верили. Но исторический опыт свидетельствует, что мы были правы и раньше и теперь. Самые дела большевизма все ярче и нагляднее изобличают ложь советчины и нашу правоту. На Родосе, в дни Всеправославного Совещания коса резко и прямо нашла на камень. Нашла и высекла искру, мгновенно осветившую многое для многих сердец и для многих умов. Да послужит же это торжеству Истины.

К ДРУЗЬЯМ!

Дорогие Друзья!

Здоровье мое, при максимально возможном соблюдении режима и неуклонно продолжающемся лечении, медленно, очень медленно, но улучшается.

В данный момент самым острым вопросом является вопрос о сохранении "Нашей Страны" в ее обычном виде — на шести страницах. Как уже известно, для достижения этого я был вынужден увеличить пену на газету, начиная с 1 января 1962 года. Надеюсь, что мои доводы о необходимости этого шага всеми поняты. Газета наша не коммерческое предприятие, она живет только на деньги самих же подписчиков. И я уверен, что все те, кто не считают ее "просто жеваной бумагой", как выразился один мой "друг", (и почему — "жеваной"?), помогут мне перебороть этот тяжелый кризис и сохранить "НАШУ СТРАНУ".

Вс. Дубровский

НА ПОКРЫТИЕ РАСХОДОВ ПО ЛЕЧЕНИЮ В. К. ДУБРОВСКОГО поступили следующие суммы:

от А. Б. — 5⁰⁰ песо, от В. А. К. — 20 дол., от А. Стрелковского — 500 песо, от А. Вепховской — 10 дол., от В. М. — 50,00 фр., от В. Ананьева — 10 дол., от В. А. Швецова — 1 англ. фунт, от О. Скаредора — 5 дол., от А. А. Бабакина — 4 дол., от А. Утехина — 5 дол., от М. М. Кутеповой — 1 дол., от М. М. Ляшкова — 1 дол., от Е. А. и В. В. Барачевских — 15 англ. фунтов, от А. Козловского — 1 англ. фунт, от Ив. Дмитриева — 10,00 фр., от А. Вепховской — 10 дол., от В. Г. — 100 песо, от М. и Г. К. — 10 дол., от "ХХ" — 2⁰⁰ песо, от А. Н. и С. В. Гротовых — 5 дол.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Глубокоуважаемый

Всеволод Константинович!

Позвольте мне, при посредстве Вашей газеты, довести до всеобщего сведения, что пишущий эти строки, автор брошюр "На путях Истины", "Духовный Фронт" и "Трагичная Церковная и Общественная", с одной стороны и с другой некто Гр. Орлов, автор статьи "Позорное явление", напечатанной в "Русской Мысли" №№ 1716, 1718 и 1719, — разные лица, вследствие каприза судьбы, носящие одинаковые имена и фамилии.

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности

Г. М. Орлов

Буэнос Айрес, Аргентина.

Olivos, Casilla Correo № 47

ЗУБНОЙ ВРАЧ

А.В. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ

Dra de Instituto Nacional de Odontología

Лечение корневой зубов — Endodontia.

Технические работы.

Рентгеновские снимки.

Прием по записи — понедельник, вторник, четверг и пятница от 15-19.

Тел. 88-0431

Capital — c. Panamá 914, 5º p. dep. A. Один квартал от suete Río de Janeiro по линии Federico Lacroze (Corrientes)

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ И КЛИНИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

Диагноз и профилактика предрасположения к раку.

Биологическое лечение переходного возраста и недомоганий старости.

Биологическое лечение хронической астмы у детей и у взрослых.

Pueyrredón 1108, 1 A, Capital

Т. Е. 82-1088

Быть может, и в самом деле, несмотря на наше недовольство, вопиющая к Небесной Справедливости кровь мучеников Русской Православной Церкви приблизит к нам милость Божию. По черпнем же и мы из Родосских впечатлений надежду, что и наш малый, наш убогий подвиг служения Правде Христовой, увенчается победой во славу Истины и торжества Православной веры на Русской земле.

Н. Кусакон

Б. П.

Памяти Владыки Иоасафа

О таких людях, как покойный Владыка Иоасаф (Скородумов) более приличествало бы писать жизнеописание, а не краткие воспоминания о нем...

Минуло шесть лет, как не стало нашего дорогого Владыки... Уходят постепенно представители старого поколения, рвутся последние живые нити, связывающие нас с родным, незабвенным прошлым.

Когда вспоминаешь встречи с такими людьми, как покойный Владыка Иоасаф, их нравственный и духовный облик, а также их рассказы и повествования о той тихой и мирной жизни, богатстве и величии нашей дореволюционной России; когда сопоставляешь и сравниваешь это былое с бесовским кошмаром наших апокалиптических дней — поистине на душе становится прискорбно и жутко. Душа в неизреченной тоске невольно устремляется к этому далекому, светлому прошлому, хочет жить этим прошлым; в благодарном сознании встают и оживают очаровательные картины старого доброго времени, будто на крыльях уносишься на бескрайние просторы нашей далекой, но всегда близкой русскому сердцу, Родины; перед мысленным духовным взором воскресает святая православная Русь с ее когда-то величественными соборами, уютными намоленными церквями, богатыми монастырями и уединенными скитами с их подвижниками монахами — молитвенниками и печальниками за родной народ православный; воскресает все то, чем богата была когда-то наша великая национальная Россия...

В полуоткрытую дверь видна небольшая келейка Владыки Иоасафа. К самой стене придвинута скромная монашеская постель; чуть дальше, в правом углу келии приделан угловичек в виде полки, на котором стоит на одной ножке небольшой деревянный аналойчик с лежащим на нем молитвенником; в глубине угла — справа и слева по стенам — развешаны иконы, перед которыми мерцает розовый огонек теплящейся лампадки. Тут же, на гвозде, за просто вбитом в стену, висит старенькая епитрахиль.

Самого Владыки не видно, но знаешь, что он здесь у себя в келии, сидит за своим небольшим письменным столом и читает что-нибудь из святоотеческой литературы. Когда он один, он всегда читает. Несколько помедлив, говоришь: "Владыко святой, благословите!"

"Бог благословит!" — слышишь обычное благословение Владыки. Это значит, что к Владыке можно войти. Входишь.

Преподав обычное благословение и поцеловав вас в голову, Владыка жестом руки предлагает присаживаться, показывая на богатое кожаное кресло, которое как-то не совсем гармонировало с остальной обстановкой бедной архиепископской келии. Заметив некоторое смущение и нерешительность посетителя, Владыка мягко улыбается и поясняет: "Это для гостей". Оказывается, кресло было подарено Владыке во время его тяжелой болезни одним из его доброжелателей; но потом немного оправившись Владыка в него почти никогда не садился.

Тот, кому приходилось хоть раз беседовать с покойным Владыкой Иоаса-

фом или бывать в его убогой келии, дверь которой всегда и для всех была широко открыта, испытывал необыкновенный мир и спокойствие на душе, как бы исходившие от всей фигуры смиренного и любвеобильного архипастыря.

Где-то там, за стенами этой келии, кипит и волнуется житейское море, исполненное мелких и больших страстей, греха и всякого беззакония, а здесь, как в тихой пристани, защищенной и огражденной со всех сторон от злых ветров и бушующей непогоды, — спокойно и тихо. Только слабо мерцающий огонек теплящейся лампадки бросает мягкий свет на святые лики икон, как бы подчеркивая и усиливая этим благодатный мир и покой этой тихой духовной гавани...

"Вот читаю святого Исаака Сирского, — как-то особенно вдумчиво говорит Владыка. — Страшно!.. Так страшно, хоть сан снимай..."

Немного помолчав он добавляет: "По данной мне благодати я должен был бы быть чудотворцем, а тут... кроме собственных грехов ничего не вижу..." — глубоко вздыхает Владыка.

Гость широко открытыми глазами смотрит на кроткого и доброго своего архипастыря, слушая смиренное и сокрушенное исповедание его, и гостю становится тоже страшно... Страшно за себя... "Если он, — думает изумленный посетитель, — этот убежденный многими сединами благодатный старец, который, будучи еще молодым студентом духовной Академии, оставил этот грешный мир, посвятив свои силы и способности на служение Господу Богу и Его Церкви; тот, кто всю свою долгую жизнь провел в монашеских трудах и покаянии, наставляя на путь спасения многих, так страшится и сокрушается, то каково же мне, живущему в этом море страстей и пребывающему в лености и нерадении о своем спасении, грешнику?!"

Будучи от природы добрым и мягкосердечным человеком, покойный Владыка не был строг, как администратор, и весьма снисходителен к своим подчиненным. Находились люди, которые порицали и даже осуждали его за это, что, конечно, доходило до Владыки. У Владыки же на сей счет была своя точка зрения. "Чтобы требовать или приказывать, — смиренно говорил Владыка, — существуют полицейские и другие власти... Архиепископ же достаточно только предлагать или советовать, что равносильно приказу..."

Покойный Владыка хорошо знал и глубоко понимал немощ нашего естества, легкое и удобное попользование к греху человеческой природы. Поэтому, он с большой любовью и снисхождением относился к людям, прощая им их слабости и недостатки. Он никогда и никого не осуждал и не любил, когда при нем кого-либо осуждали или отзывались недоброжелательно. В таких случаях Владыка, хотя никогда и никого не останавливал, однако, как-то так, бывало, посмотрит на любителя позлословить, что тот вдруг приходил в замешательство и устыдившись, невольно замолкал. Зато в обыкновенных разговорах Владыка принимал самое живое участие и сам охотно что-либо рассказывал. Собеседник и рассказчик он был необыкновенный.

Так, например, покойный Владыка часто вспоминал и любил рассказывать о далекой, словно родной ему Канаде, где он провел около двадцати лет жизни в качестве правящего архиепископа; которая своей природой и климатом очень напоминала ему наш русский суровый север, откуда сам он был родом.

Если Владыка бывал дома, то есть у себя на подворьи, свои увлекательные рассказы он любил обыкновенно сопровождать, так называемыми "иллюстрациями", — бесчисленными любительски-

ми photographиями, которые он привез с собой в Аргентину, как воспоминание о Канаде. Теперь после смерти Владыки эти photographии являются своего рода наглядными документами, свидетельствующими о трудах и монашеских подвигах покойного архиепископа.

Перед нами целый ряд снимков, который можно было бы назвать: "Владыка Иоасаф за работой". На одном из них мы видим: небольшой дворик архиепископского подворья в Эдмонтоне; на переднем плане в стареньком рабочем подряснике стоит Владыка Иоасаф с большим топором-колуном в руках возле огромной кучи напильных им и нарубленных дров.

"Приходилось самому все делать, никого не нанимал, — пояснял Владыка, — что же, силёнка была..."

На другой он же, делая широкий замах, косит траву на лесной просеке, прорубленной в свое время и расчищенной от пней самим Владыкой; теперь эта просека служит проезжей дорогой, ведущей к монастырю. В конце просеки виднеется озеро.

Вот он, низко склонившись, трудится над вспаханым, а может быть и вскопанным им для будущего огорода полем, железными граблями разравнивая и разрыхляя землю; на следующем снимке виден Владыка с деревянной тачкой, на которую он старательно набрасывает лишнюю землю и мусор, чтобы отвезти это потом куда-нибудь подальше от бревенчатых стен новопостроенного скита. Или вот: с обнаженной головой и в одной рубахе под ласковыми лучами весеннего солнца стоит наш Владыка на открытом и свежем воздухе возле собственноручно сооруженного стола и готовит для "братий" обед. На другом снимке — с этой самой братией (соседние крестьяне) Владыка внимательно осматривает — не прорвана ли? — большую рыболовную сеть: скит-то ведь расположен на самом берегу богатого рыбой озера! А вот и еще — полная душевного умиления редкая photographия, напоминающая собой всем нам известные со страниц Святого Евангелия картины: Владыка Иоасаф совершает водосвятный молебен прямо на берегу живописного озера; причем сам Владыка в короткой полушубке и епитрахили стоит в лодке и читает Евангелие, а молящиеся стоят на берегу и внимательно слушают чтение...

Не хватало священников. Поэтому Владыке приходилось часто с различными требами самому объезжать свою обширную канадскую епархию. Во время этих поездок, по словам Владыки, ему нередко приходилось встречаться и сталкиваться с вопиющим невежеством в отношении веры и полным церковным одичанием.

"Пригласили меня однажды в отнюдь не семейное зажиточное фермерское хозяйство и переселенца с Волыни, — рассказывал Владыка, — с тем чтобы совершить там таинство бракосочетания."

"Вот завтра, — говорят мне, — обвенчайте уж Маньку да Ольгу."

Из дальнейшего разговора выясняется, что Ольга, старшая дочь, еще крещенная, а Манька — та уже нет.

"Как же венчать-то? — спрашиваю я. — Да уж как-нибудь..."

"Так нельзя, — решительно заявляю я, — прежде надо крестить; а перед тем, как крестить, необходимо приготовить ее и научить православной вере."

"А как же гости?! — чуть не со слезами пресят родители. — Уж лучше бы завтра..."

"Я хорошо понимаю их: народ они трудовый, каждый день для них дорог. Если оставить так — пойдут к сектантам."

"Ну ладно! — решаю я. — Чистая бочка есть? Тащите ее сюда, наполните водой!"

До поздней ночи сидит Владыка со всей семьей, беседует, наставляет, излагает вкратце сущность православной веры, готовит молодую девушку к принятию святого крещения, уже за полночь, чуть ли не с первыми петухами, крестит ее в приготовленной "купели", а на другой день утром венчает...

И отправляется дальше. В поезде или в автомобиле, на подводе или просто пешком — спешил куда ни позовут,

нося людям свет евангельского учения; учил, наставлял, врачевал духовные язвы; крестил, венчал, хоронил или отпевал заочно; присматривался к людям: не найдется ли среди них кандидат для рукоположения в священники.

Так, во время одного из своих пребываний в Ванкувере встретился Владыка Иоасаф с молодым профессиональным артистом-певцом. Познакомились. Оказалось — бывший семинарист.

"Мне священники нужны, — сказал Владыка ему, — а ты семинарист, а какие-то дурацкие песни поешь..."

"Я, слава Богу, внял его словам, — вспоминает ныне здравствующий отец Александр Знаменский, — бросил петь "дурацкие песни" и принял от Владыки рукоположение".

В Аргентине Владыка Иоасаф частенько прихварывал и недомогал, но старался скрывать это от других, оставаясь попрежнему веселым и жизнерадостным. Однако, как человек духовный, Владыка понимал, что он долго не протянет, и готовился к отшествию из этого мира. Он еще более смирялся, часто исповедывался и причащался Святых Христовых Таин. Нередко заговаривал о смертном часе, о суде Божию, или мысленно погружался в прошлое, как бы проверяя и контролируя пройденный им жизненный путь; вспоминал свое раннее детство и школьные годы, отца своего родного сельского священника, сестру, старшего брата. При этом Владыка рассказывал однажды интересный и необыкновенный случай.

Старший брат его, по словам Владыки, был женат и имел детей. Младшая дочь брата, племянница Владыки, будучи 10-летней отроковицей тяжело заболела и слегла в постель, с которой в течение 2-х лет ни разу не вставала. Врачи, смотревшие и лечившие ее, не только не в силах были оказать ей какую-либо помощь, но даже не могли определить и поставить диагноз болезни. Так прошло два долгих и мучительных года. Больная никому не жаловалась и ни на что не роптала, только постепенно таяла, как свеча, и все время молилась, особенно Божией Матерью. В один из воскресных дней по полудню, когда все ее родные были дома, вдруг она сама, без посторонней помощи, встала с постели и объявила, что сегодня ровно в четыре часа к ней придет Божия Мать и возьмет ее с собою. Все были поражены и не хотели верить. Девочка между тем смиренно радостная ходила по квартире, дотрагивалась или поправляла знакомые ей вещи, и время от времени посматривала на часы. Затем она попросила, чтобы ее умыли и одели во все чистое и белое. Без пяти четыре она снова легла в постель. Все, кто тут присутствовал, со страхом и трепетом смотрели на часы. Ровно в четыре часа девочка вдруг вся как-то оживилась и просияла. "Идет", — сказала она, сказала и... умерла.

— Верю, что и в нашей семье есть своя ходатанца и молитвенница за меня грешного, — закончил рассказ свой Владыка.

Незадолго до смерти, чувствуя, что жизнь его приближается к концу, Владыка попросил, чтобы принесли и поставили бы для него пластинку с граммофонной записью пасхальных песнопений. "Не доживу я до Пасхи", — сказал он. Нужно было видеть как он ликовал и по-детски радовался, слушая дивные победные песни Святой православной Пасхи, которые он и сам в свое время любил исполнять своим особенным новгородским распевом. У присутствующих невольно на глазах навертывались слезы при виде своего беспомощного и прикованного к постели тяжким недугом любимого архипастыря.

Но Владыке не суждено было дожить даже и до Рождества. Умер он 26 ноября 1955 года и похоронен в Буэнос-Айресе на Британском кладбище. Многие, кто близко Владыку знал или встречался с ним когда-либо, вспоминают о нем с любовью и даже с благоговением. На могилу к нему приходят почитать почившего святителя и помолиться об упокоении его чистой и праведной души его бывшие духовные дети.

Вечная ему память.

Б. П.

Статьи или наброски, касающиеся Архиепископа Иоасафа просим направлять по адресу:

Rev. Padre Sergio Ivanov, Alem 1374, Burzaco, FNGR, Prov. de Buenos Aires, Argentina.

**ДОКТОР
Л. Я. КОСТЮЧИК**
ЗУБНОЙ ВРАЧ

Хирургия, лечение айротомом,
технические работы.

Принимает ежедневно от 17-19 час.
В иные часы — по предварительной
записи по телефону 73-0897.
Ул. Облигадо 2136, 4-й этаж (лифт).
Belgrano, Capital

10 декабря 1961 года, в воскресенье, в 5 часов вечера
в концертном зале

"LA ARGENTINA", RODRIGUEZ PEÑA 361
состоится

БОЛЬШОЙ КОНЦЕРТ ХОРА АРТИСТОВ
п/упр. Д. АВРАМЕНКО

В программе народные песни и пляски.

Билеты 50, 80 и 100 песо у артистов хора и в кассе театра
в день спектакля с 3-х часов.

НА ОКЕАНЕ, в ПОСЕЛКЕ-ПАРКЕ
в окрестностях Мар де Ахо СДАЕТСЯ
ДЕПАРТАМЕНТ и КОМНАТЫ
Escribir: Sr. M. Tam, Casilla de Correo N° 4, Villa Ballester, FNGBM

Дневник Наблюдателя

Д Е Н Ъ З А Д Н Е М

В прошедшей заметке мы писали: "...американцы призывают тов. Царпкина вернуться в Женеву, чтобы продолжать переговоры о запрещении атомных взрывов". Мы не выписали к сожалению черным по белому уверенность, что большевики согласятся, когда заметили, что "теперь, после всех мегатонн можно и запретить взрывы на некоторое время. По крайней мере Америка тогда не посмеет заниматься опытной работой".

В самый день выхода прошлого выпуска нашей газеты стало известно, что СССР согласился возобновить переговоры в Женеве о запрещении испытаний атомного оружия, причем в ответных советских нотах как Англии, так и Америке, значит, что "если во время переговоров какая-либо из держав станет производить испытания атомного оружия, то СССР будет вынужден вывести соответствующие выводы". Намек достаточно ясный, чтобы, сравнивая с тем, что мы писали в прошлой заметке, мы смели обратить внимание на точность нашего попадания.

Пока рассматривается вопрос о подробностях этих переговоров, займемся общим обзором. Хотя положение с Берлином сейчас уже вполне ясно, эту тему никак не удастся изгнать со страниц нашего дневника. Все время попадают данные о тех или иных делах, связанных с этим городом. Казалось бы дело просто: предали, продали, передали! Пора бы и забыть. Так нет! Все время еще пишут и пишут.

Вчера ген. Люсиус Д. Клей например сообщил, что был выдан большевикам немец, пытавшийся бежать из Вост. Германии. Он зайцем ехал на военном американском поезде. Ген. Клей заявил, что эти поезда не пользуются правом экстерриториальности, почему перебежчик и был выдан на расправу красным. Все это значит, что советчикам позволяется обыскивать американские военные поезда. Мелькают все еще сообщения о случаях убийства при попытке перебежек в Зап. Берлин. Сообщается, что большевики энергично достраивают стену, рассекающую город. Если по началу она имела вид чего-то в роде ширмы, теперь ее доводят до совершенства бетонного укрепления. На подобие линии Мажино-Зигфрида!

Одним словом, как в 1936 году Адольф Хитлер порвал Локарнский договор, милитаризовал Рейнскую область и начал строить линию Зигфрида, так и теперь Никита Сергеевич, нарушив договор об оккупации Берлина, строит стену, которую не могут пробить даже танки. Тут тебе и Мажино, тут тебе и Зигфрид сразу. Тут тебе и пощечина западным демократиям.

Главным достижением Никиты является то, что западная дипломатия стоит под знаком старого гипноза. Она смеет решать все вопросы мира, но не смеет касаться вопроса войны. Если же вопрос может быть решен только в плане военном, то западная дипломатия оказывается бессильной. Она оказывается игрушкой в руках дипломатии советской, которая смело идет вперед от одного требования к другому и, не боясь наступать, не отдает ни одной из занятых позиций.

В данный момент Берлинская победа Хрущева выражается в том, что с одной стороны он получил все, что хотел, — делает что хочет, а с другой — западно-демократические союзники оказались разбиты на два несогласных между собою лагеря. Кеннеди и Мак Миллан, а теперь, после встречи с Мак Милланом, может быть и де Голль готовы на переговоры с Хрущевым, Аденауэр все еще мечтает о восстановлении единства Германии. В общем, если бы дело дошло до переговоров, то речь пойдет о том, чтобы Хрущев отказался от своих требований, а Западные союзники отказались от своих прав. В данный момент решение дела зависит от того, насколько долго еще можно тянуть. Так что не надо увлечься, если о Берлине мы еще будем писать.

Кеннеди уверен, что войны избежать удастся. В речи на демократическом банкете (где за тарелку супа платили по сто долларов), он порицал опять крайние настроения. Осуждал пораженцев, готовых на примирение с коммунизмом, а равно и тех, кто торопит с

войной. Осуждал он также и тех, кто во всем подозревает предательство и руку коммунистов. Кеннеди тверд: ни войны, ни мира!

Итак, пока немцы еще утешают себя заявлениями о том, что берлинская стена должна быть снесена, пока еще не закончено ее строительство, пока западные союзники ведут между собою переговоры, чтобы отыскать общую точку зрения на случай переговоров с Хрущевым о Берлине, сам Никита Сергеевич, будучи во всем с собою согласен, приступил к решительной акции по зачистке Скандинавии.

После того, что Громыко имел случай переговариваться с министром иностранных дел Финляндии Ати Карьялайненом, Хрущев вызвал к себе финляндского премьер-министра Уро Кекконена, назначив ему явиться в Новосибирск. Здесь Хрущев объявил Кекконену, что Финляндия находится в опасности от нападения империалистической Западной Германии, предложив Финляндии занять нейтральную позицию с тем, чтобы можно было предпринять срочные меры к укреплению границ Финляндии и Советского Союза. Это значит, что Финляндия стоит на пороге того, чтобы испытать ту же судьбу, которую испытали в 1940 году страны Прибалтики.

Резкий окрик из Москвы был слышен на весь мир и по адресу Норвегии. (До Швеции еще очередь не дошла, но дело не за горами). В Москву был вызван министр иностранных дел Норвегии Гольвард Ланге. Были визиты, поклонны и, наконец, — торжественный банкет в Норвежском посольстве. Во время любезного госта, произнесенного Ланге за дружбу и мир, Громыко президиал гостеприимного хозяина замечанием, что, де, "Норвегия приняла меры, беспокоящие Советский Союз". Не успел договорить Громыко, как продолжил Микоян, заметив, что "Норвегия присоединилась к антисоветскому пакту". Скандаль кончился любезными улыбками.

Теперь норвежцы и шведы трясутся, что их тоже позовут в Новосибирск и мы за них опасаемся, что если не будут во-время приняты меры, то им придется "строить оборонительный вал по берегу живописных фиордов, чтобы оградить священные берега социалистической Норвегии от вторжения диких орд американских империалистов".

Дания, Швеция и Норвегия решили создать "оборонительную силу" и поставить ее в распоряжение Организации Объединенных Наций. Мудрости такого решения нельзя не подивиться. В самом деле, при таких условиях "оборонительная сила" ни при каких обстоятельствах не поведет к войне. В ООН сидят представители СССР. Они во-время наложат вето и все будет очень спокойно. Очевидно, теперь международные политики научились, как принимать меры, которые заведомо и заблаговременно оказываются не способными к каким бы то ни было последствиям в том смысле, в котором они должны бы действовать.

Сейчас кое-кто еще почитывает воспоминания Черчилля, из которых оказывается, что он еще в 1944 году предупреждал Рузвельта и Айзенхауэра, что если "русские" займут Берлин, то это поведет к крайне сложным последствиям. Айзенхауэр решил дело по-военному, сказав, что Берлин потерял всякое стратегическое значение, а Рузвельт через 11 дней по получении этого письма от Черчилля просто умер. "Русские" заняли Берлин. То есть — несмотря на предупреждение Черчилля, Берлин еще в 1945 году был прелан в руки большевиков. Стыдно читать демократические клятвы о верности Западному Берлину.

В Каире имела место встреча нейтральных. Съехались к Нассеру Тито из Югославии и Неру из Индии. Их пе-

реговоры в данный момент значения не имеют, однако, было бы небезынтересно знать, чего они хотят? От того, куда эти господа бросят свой вес, зависит многое в будущем.

В республике Доминико была окончательно изгнана семья убитого в мае ген. Трухильо, имевшего печальную славу диктатора. Власть оказалась в руках избранного Президента Беллагера. Когда тут же пошла борьба за власть и дело дошло до оружия, то порядок был восстановлен тенью появившихся на горизонте американских военных судов. (Вот бы им появиться у Кубы в апреле!). После этого распустившаяся толпа пошла грабить дворцы, оставленные семьей Трухильо. Большевицкий погром остановлен. В беспорядках Беллагер винит коммунистов. Введен полицейский час. Куда поведет ликвидация диктатуры Трухильо? Пока что — беспорядки, да переименование столицы. Ей возвращено исконное название Санто Доминго.

Бежал на Запад советский наемный убийца Богдан Сташинский. Он показал, что его руками в Мюнхене был убит Бандера и еще другой политический деятель, мешавший большевикам.

Бразилия восстановила дипломатические отношения с СССР. В правительственных кругах Бразилии это вызвало большое возмущение, но... страна поставлена перед совершившимся фактом.

Усиленно идет де-сталинизация. Повсюду срыгают памятники Сталину. В Венгрии Кадар выступил с речью, требуя, чтобы были выкорчеваны последние остатки культа личности. В Чехии переименовываются улицы и площади. Постановлено, чтобы тело Готтвальда было убрano из построенного для него мавзолея в Праге. Де-сталинизация коснулась даже демократических стран! В Венеции в г. Пуэрто да Крус муниципалитет постановил, чтобы авениде "Сталинград" было возвращено ее исконное название "Конкордия". Интересно, последует ли Париж доброму примеру?

Страшное сопротивление к де-сталинизации проявляет Албания. В Тиране чиновников, уехавших назад в Москву заменили чиновники прибывшие на их место из Пекина. Албания распространяет в Москве документ, выражающий возмущение политикой де-сталинизации. Этот документ осуждает Хрущева за то, что он отменил дату 31 декабря, назначенную для подписания договора с Вост. Германией. Албанцы говорят, что решение о договоре было принято на конференции "держав Варшавского пакта" и что Хрущев отменил его самостоятельно, как диктатор.

Очевидно, де-сталинизация вызывает беспокойство и внутри СССР. На него "Правда" отозвалась любопытным замечанием, что, дескать, "печать империалистических стран извращает факты борьбы с культом личности".

Хрущев, конечно, много сделал для того, чтобы удержаться у власти, но не имея сведений о дальнейших реакциях на де-сталинизацию трудно сказать, как долго он усидит на кресле диктатора.

В связи с делом Печерского и его двух однодельцев, совет еврейских представителей в Лондоне (этот Совет основан в 1760 году) обратился к правительству СССР с призывом "пересмотреть нынешние резкие меры, принятые против еврейской религии и культуры". С протестом по поводу того же судебного дела в советское посольство в Буэнос Айресе обратилась и местная еврейская группа.

В ООН бюджетная комиссия пожелала, чтобы СССР взял на себя вместо 13,6% расходной части бюджета — 14,9%. Разумеется, представитель СССР запротестовал, на что ему было предложено объяснить, неужели же все экономические достижения, которыми хвалится советская печать, не позволяют поглотить такое небольшое увеличение расходов? Но этот вопрос советских чиновников не сконфузил. Конфуз дело в политике непригодно.

В США начинается обязательная регистрация членом коммунистической партии.

Несмотря на продолжающуюся забастовку железнодорожников, Президент Аргентины Артуро Фрондиси не испытывает беспокойства за внутреннее положение страны. Демократические учреждения страны твердо стоят на посту ограждения всех прав граждан. Фрондиси отбыл за границу, намереваясь посетить Каналу, Индию, Сиама, Филиппины и Египет.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso
Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina
Телефон 52-7426

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА
И М Е Н И
ИВАНА ЛУКЬЯНОВИЧА
СОЛОНЕВИЧА

В "Фонд издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича" поступили следующие суммы:

от А. Б. — 100 песо, от В. А. К. — 20 дол., от С. В. Кржижановского (сент.) — 60 песо и (октябрь) — 300 песо, от А. Верховской — 5 дол., от Толмачева — 20.00 фр., от И. Дмитриева — 5.00 фр., от Друзей в Уругвае — 20 уругв. песо от А. А. Бабакина — 2 дол., от М. Марамбеевой — 3 дол., от А. Утекина — 5 дол., от Л. Е. Соломахо — 5 дол., от М. М. Ляшкова — 2 дол., от Коняева — 10.00 фр., от С. С. Г. (окт., ноябрь, декабрь) — 15.00 фр., от Ив. Дмитриева — 10.00 фр., от В. Г. — 40 песо, от С. В. Кржижановского (ноябрь) — 300 песо.

*

Дорогой Всеволод Константинович!

По инициативе Г. А. Кропп, С. И. Нестеренко и Вашего корреспондента мы за три истекших недели, по воскресеньям, собрали в помощь "Нашей Стране" среди близких друзей Народно-Монархического Движения сумму в одиннадцать (11) австралийских паундов, которую и спешим перевести Вам.

Горячо верим и надеемся, что верные друзья "Нашей Страны" — подписчики и читатели широко отзовутся на Ваш призыв поддержать своей материальной помощью столь нужную всем нам, русским монархистам, газету ИВАНА СОЛОНЕВИЧА, честно и твердо, бескомпромиссно и смело стоящей на страже великих идеалов Русской Государственности и безусловной преданности Закононому и Наследственному Главе Исторической Династии Дома Романовых Государю нашему и Великому Князю Владимиру Кирилловичу и Его Августейшей Семье.

Пожертвовали вышеуказанную сумму (в порядке поступления денег) нижеследующие лица: М. М. Спасовский — 2 паунда, С. И. Нестеренко — 2 паунда, М. И. Нестеров — 10 шиллингов, Г. А. Кропп — 2 паунда, полк. А. Н. Стафиевский — 1 паунд, М. И. Давыдов — 1 паунд и 10 шилл., Г. Крац — 10 шилл., Г. Петровец — 10 шилл., Н. Ю. Фомин — 10 шилл. и С. В. Доманский — 10 шиллингов. Всего одиннадцать паундов.

С искренним уважением Ваш

М. М. Спасовский

КАЗНА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

В "Казну Великого Князя Владимира Кирилловича" поступили следующие суммы:
от Н. Максимовой — 100 песо, от "Р" (пер. 13.10.61) — 10.00 фр., от "Р" (пер. 31.10.61) — 10.00 фр.

В РЕДАКЦИЮ "НАШЕЙ СТРАНЫ" ДЛЯ ПЕРЕСЫЛКИ НА АФОН

поступили следующие суммы:
от Ив. Дмитриева — 5.00 фр., от Данилевского — 200 песо.

В Литературный фонд НАРОДНОЙ МОНАРХИИ поступили следующие суммы:

через Редакцию "Нашей Страны" от И. Дмитриева — 5.00 фр. от Н. Максимовой — 100 песо, от Л. (сент., окт.) — 20.00 фр.

Получено непосредственно Н. Поточкин от Е. П. Зейберлих — 10.00 фр., от В. К. Потапова — 10.00 фр., от А. Ф. Шинкевича — 10.00 фр., от М. И. К. — 15.00 фр., от Г. Франциско — 10 дол., от П. П. Росинского — ДМ — 3.

Все пожертвования просим адресовать: Mr. N. G. Chapovalenko, 26, rue de Chateaufort, Nice (A. M.) France.

Вышла из печати ПЯТАЯ брошюра Литературного Фонда Народной Монархии —

И. Н. Владимиров
К РУССКОМУ РАБОЧЕМУ

Д О К Т О Р

Кира Николаевна

КОЛДОМАСОВА - БАУМГАРТЕН

п р и н и м а е т

по средам и пятницам от 18 до 20 ч.

по субботам от 16 до 18 час.

AMENABAR 4156

CAPITAL